

УДК 94(470)08

**СОСЛОВНОЕ ДЕЛЕНИЕ У НОГАЙЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

А.А. Абасова

Ханто-Мансийский Автономный округ

ihae_dnc@mail.ru

Аннотация: в статье показано, что в рассматриваемый период изданные российские законы повлекли нивелирование сословных отношений у ногайцев. В связи с тем в конце XIX – начале XX вв. произошли существенные изменения в сословно-классовых отношениях в ногайском обществе. Земельная реформа и отмена крепостного права в России дали важный импульс коренным изменениям в сословно-классовой иерархии местного населения. Вместе с тем, развитие новых производственных отношений тормозилось некоторыми феодально-патриархальными пережитками.

Abstract: The article shows that during the period under review the promulgated Russian laws caused the leveling of estate relations among the Nogais. As a result in the late 19th – early 20th cc. significant changes took place in the estate and class relations of the Nogaian society. The land reform and the abolition of serfdom in Russia gave an important impetus to fundamental changes in the estate and class hierarchy of the local population. However, the development of new production relations was hampered by some feudal and patriarchal survivals.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ, ногайцы, российская политика, имущественная дифференциация, земля, реформы, хозяйство, торговля.

Keywords: North-East Caucasus, Nogais, Russian policy, property differentiation, land, reforms, economy, trade.

Благодаря грамотной политике местных русских властей большая часть ногайского населения не оказывала сопротивления переходу к оседлости. Таким образом, у ногайцев Северо-Восточного Кавказа в пореформенный период сословное деление уходило в прошлое. Правда, следует заметить, что название сословия «мурз» еще сохранялось. Но их положение в обществе ничем не отличалось от положения простых ногайцев, кроме льгот по несению общественных повинностей. Они по закону от них освобождались. По данному вопросу можно согласиться с мнением И.Л. Щеглова, который отметил, что «ногайцы сохранили у себя сословные подразделения, но в настоящее время принадлежность к высшему сословию не дает никаких привилегий, их мурзы, которых больше среди Едишкульцев, не пользуются никакими преимуществами пред простым народом, ни в экономическом, ни в административном отношении, только освобождены от населения общественной службы по выборам» (Щеглов И.Л., 1910. Т. 1. С. 126).

Следует также указать, что присутствует и иная точка зрения в работе С.В. Фарфоровского «Ногайцы Ставропольской губернии» (Фарфоровский С.В., 1909. С. 23), с которой мы не можем согласиться. Он, в частности, указывал: «Разделение на сословий нет; все фамилии равноправны и независимы. Хотя уже намечается разница фамилий, гордящихся своими предками, или своей многочисленностью и силой, или богатством».

Таким образом, можно отметить, что у ногайцев Северо-Восточного Кавказа сословное деление перестало играть важную роль в их жизни.

Российская администрация старалась постепенно влиять на сословные отношения у ногайцев, поддерживая привилегированное положение знати, чему свидетельствует проведение земельной реформы. Правда, следует заметить, что русские власти действовали на Кавказе осторожными мерами в области сословных отношений местных народов. Активное вмешательство в область этих отношений могло привести к негативным последствиям для русской администрации. Особое

отношение местных русских властей проявлялось в разграничении полномочий мусульманского духовенства и управления пристава у ногайцев. Согласно российскому законодательству, местное духовенство, в частности, кади разбирает дела, касающиеся раздела наследства мусульманина. Таким образом, местные русские власти соблюдали права знати, духовенства. Ставропольский губернатор только утверждал избранных должностных духовных лиц. Так, из доклада главного пристава ставропольскому губернатору в 1913 г. следует, что «магометане Ставропольской губернии, населяющие территорию кочующих народов... подведомственны оренбургскому окружному управлению. Особой губернской магометанской духовной организации, вроде губернского Меджлиса, в Ставропольской губернии не существует. Высшие духовные должности у магометан инородцев...отправляют народные кадии и наиб-кадии, низшие должности-духовные муллы» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2200. Л. 4).

Итак, в пореформенный период должностное деление мусульманского духовенства не претерпело значительных изменений. Как и в первой половине XIX в., высшими духовными лицами у ногайцев были кади и наиб-кади, а низшими – муллы. Компетенция мусульманского духовенства осталась прежняя – решение дел, «до веры и совести касавшихся», а также наследственные разбирательства. Доходы местного духовенства составлялись за счет пожертвований мусульман «в виде платы за исполнение духовных треб и долевого отчисления от полученных каждым прихожанином прибылей в своем хозяйстве» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2200. Л. 5).

Следует отметить, что положение мусульманского духовенства во второй половине XIX – начале XX вв. существенно не изменилось. Мечети сооружались на общественные деньги, с разрешения российской администрации.

Мектебе и медресе (мусульманские школы) строились на общественные деньги и располагались во всех ногайских поселениях. Мусульманское духовенство занималось также составлением метрических книг и посемейных списков.

Духовенство по-прежнему относилось к привилегированному слою ногайского общества и пользовалось большим уважением в народе. Русские власти сохраняли религиозные традиции ногайцев.

Политика российских властей по отношению к привилегированным сословиям в этот период претерпела значительные изменения. Если в первой половине XIX в. российские законы подтверждали социальную иерархию у ногайцев, то во второй половине XIX в. переход к оседлости повлек за собой нивелирование законодательным путем сословных отношений.

В ногайском обществе сословные отношения выражались не так ярко. Экономические условия способствовали имущественному расслоению и в их среде.

Власть мурз юридически утратила свою былую значимость. Потомственные права привилегированных сословий подтверждались только для тех, которые состояли на российской службе. Еще долгое время в ногайском обществе оставалось уважительное почитание местной знати.

Таким образом, российская политика в области общественных отношений у ногайцев Северо-Восточного Кавказа оказала значительное влияние на всю социальную систему ногайского общества.

Конец XIX – начало XX вв. характеризуется существенными изменениями в сословно-классовых отношениях в ногайском обществе. Прежде всего они связаны с ростом имущественной дифференциации в их среде и зарождением капиталистических элементов в их хозяйственном укладе. Земельная реформа и отмена крепостного права дали значительный импульс коренным изменениям в сословной иерархии у ногайцев.

Следует отметить, что стирание сословных граней у ногайцев шло очень медленно, и на протяжении всего пореформенного периода сословные перегородки сохранялись.

В ногайском обществе очень четко к началу XX в. выделилась байская верхушка. Следует указать, что источниками формирования байства являлись разбогатевшие простые ногайцы, а не только представители сословной верхушки. Как правильно отмечал известный исследователь Б.Б. Кочкаев, «к началу XX века имущественная дифференциация в ногайском обществе достигла крайних пределов. С одной стороны, существовала небольшая группа богачей (знатных и незнатных), для которых сословная принадлежность уже не играла такой роли, как раньше, поскольку скот в основном был сосредоточен в руках крупных баев; с другой стороны, была масса бедняков, вообще не имевших скота» (Кочкаев Б.Б., 1969. С. 21).

Таким образом, количество скота являлось показателем состояния благополучия у ногайцев Северо-Восточного Кавказа. Богатым считалось то хозяйство, в котором имелось «от 100 до 1000 штук» (Бентковский И.В., 1879. С. 8).

Таких хозяйств, по подсчетам И.В. Бентковского, было «у караногайцев – 6,95%, у ачикулаков – 4,88% (Бентковский И.В., 1879. С. 8).

Среди них, имевших «более 1000 штук [скота]...», падает 0,20% на ачикулаков; 0,10% – на караногайцев» (Бентковский И.В., 1879. С. 8).

Таким образом, зажиточные хозяйства у ногайцев составляли меньшинство. Разорившиеся ногайцы стали превращаться в сельскохозяйственный пролетарий – новую социальную прослойку в их обществе. Лишившись основного средства производства скота – в рыночном хозяйстве они могли предложить только свой труд. Так появился новый класс – сельскохозяйственный пролетариат. Это был класс нового зарождающегося капиталистического общества. Но эта прослойка общества была с местной национальной спецификой, которая заключалась в образе жизни. В основном наемная рабочая сила использовалась в скотоводческом хозяйстве. Сельскохозяйственный труд пролетариата использовался в качестве пастухов. Однако следует также отметить, что на заработки в города Порт-Петровск, Грозный, Владикавказ, Кизляр, Моздок, Хасавюрт уходило немалое число ногайцев. Им власти выдавали выездные билеты. Важно отметить, что процент сельскохозяйственного пролетариата среди ногайцев был невысокий (Кидирниязов Д.С., 2005. С. 188).

На рубеже XIX–XX вв. замкнутость натурального хозяйства ногайцев постепенно нарушалась. Часть из них нарушала традиционные устои жизни. Особенностью сельскохозяйственного пролетариата у ногайцев являлось сохранение связей с традиционным хозяйственным укладом, то есть скотом. Уходя на заработки, ногайцы практически все, за исключением единиц, возвращались обратно, поэтому формирование сельскохозяйственного пролетариата в классическом виде, то есть с разрывом с собственным хозяйством, почти не происходило. Но признаки капиталистического хозяйства налицо: рынок труда и производство товаров специально для продажи.

Капиталистические элементы в ногайском обществе не могли развиваться в отрыве от российского капитализма. Проникновение российского капитализма шло в основном в форме торгового и ростовщического капитала. Важную роль в жизни ногайцев в XIX – начале XX вв. стала играть торговля. В рассматриваемый период у ногайцев существовали три ее формы: развозная, ярмарочная и стационарная.

Проведение буржуазных реформ во второй половине XIX в. ознаменовало собой новые качественные изменения в социально-экономической жизни ногайцев. Специфика проведения преобразований у них заключалась в традиционном образе жизни.

Следует отметить, что земля становилась предметом купли-продажи, заключения арендных сделок, то есть сферой приложения капитала. Вхождение во всероссийский рынок играло важную социально-экономическую роль в истории Северо-Восточного Кавказа и населявших его народов.

Появление рыночных элементов в хозяйствах зажиточных ногайцев привело к разложению общины и дальнейшей имущественной дифференциации в ногайском обществе. Проведение буржуазных реформ привело к проникновению товарно-денежных отношений в аул, что ломало замкнутость натурального хозяйства. Таким образом, осуществление преобразований привело к более быстрому развитию производительных сил, чем это было возможно в кочевом обществе. Политика российского правительства по привлечению ногайцев к оседлости сыграла роль в изменении социально-экономического уклада. Она осуществлялась осторожными мерами, так как от ее успеха зависело благосостояние ногайцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Бентковский И.В.* Наши кочевники и их экономическое состояние. Ставрополь, 1879. – 346 с. ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2200.
- Кочакаев Б.Б.* Классовая структура ногайского общества в XIX – нач. XX в. Алма-Ата, 1969. – 37 с.
- Фарфоровский С.В.* Ногайцы Ставропольской губернии. Тифлис, 1909. Кн. 26. Вып. 7. С. 1–36.
- Щеглов И.Л.* Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Ставрополь, 1910. Т. 1. – 529 с.
- Кидирниязов Д.С.* Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX–нач. XX в. Махачкала, 2005. – 219 с.